

* * *

Четыре десятка наивно-расхлябанных вёсен,
малиновых вёсел гребком к горизонту-ремню.
И клякс на бордюрах – суглинистых,

из-под колесных.

Четыре десятка отмашек: «Потом нагоню!»

Четыре десятка апрелей. Горчащих дымочков
костров краснолапых, сгребаящих ветошь
в лесу,
ветров пречертовских, в берёзах чириканий
сочных.

И чёрных воронок размазанных в лужах
простуд.

Четыре десятка настойчивых первых капелей
и первых бессоний, где шёпот и счастье –
в зенит.

И клейких листочков – монахов, покинувших
кельи.

Четыре десятка, чтоб я это стала ценить.

* * *

Ах, маки-маги в пепельной траве,
растущие на сером бездорожье.
Любимцы лета огненных кровей,
зачем взошли вы на отшибе божьем?

Пьёт соки ваши хладнокровно зной.
И ветер треплет пыльными руками.
А вы всё ярче алой пеленой,
вам нипочем и пыль, и сушь, и камни.

Наденет солнце облака тюрбан.
Под пришлый дождик мелкого пошиба
узнаю вас по пламенным губам
чужих случайно встреченных улыбок.

И, словно стриж стежками в синеве,
мелькнёт мечта о чем-то очень сложном.
Ах, маки-маги в выцветшей траве,
сокровища на сером бездорожье.

* * *

Тяжёлое море, забравшее сына,
меня не обманешь умелым притворством
твоих безмятежно распахнутых далей
и гладью, царпанной утренним ветром.
О, знаю я цену твоих обещаний
и истинный цвет нежно-радужных красок:
в сквозной синеве, в бирюзовом игристом –
холодный текучий свинец, да и только.
Жестокое море, коварное море,
ты знаешь, чем выманить сердце мальчишки:
рисуешь прекрасные дальние страны
и тайну, одетую в трепетный парус.
И к юноше тоже находишь подходы.
И вот облачишься ты в гибкое тело,
пленишь удивительной милой улыбкой,
солёный, туманом пропитанный морок.
О, каждому ты воздаёшь по мечтаньям!
Но только не скажешь, что ждёт их в итоге:
воронкой медлительной тёмной пучина,
когда по глоткам исчезает дыханье.

Огромное море, лазурное море,
давно не хожу на несносный твой берег,
не слушаю плотные шумные волны.
Но в горе своём не покину я город.
Нет, я не уеду... Смотри в мои окна,
Праmaterь, забывшая суть материнства!

А та, что его провожала с причала,
рыдала, размазав помаду и сопли,
из памяти вычеркнуть, видно, успела
быстрее, чем темень его поглотила.
Напрасно глаза свои синие прячет,
напрасно десятой дорогой обходит,
завидев меня...

Мне она безразлична:
забвенье – давно ходовая монета.

Но как-то в авоське тенистого парка,
где солнце блестело большим апельсином,
в китов белобрюхих играли фонтаны –
и ты вдалеке лучезарно искрилось,
услышала эхом знакомое: «Митя!»
И хрупкую девушку я увидела
с таким же, как он, девятнадцатилетним.
О тёмное море, ведь так не бывает!
Но сбыточным стала на миг невозможность.

...Иду на неровный твой галечный берег,
послушаю резвые шумные волны.
Но разве у моря бывают ответы?

* * *

Вы мой голос больше не услышите.
Я клянусь. Но всё же не клянусь.
Голуби – счастливейшие нищие
сизые свидетели тому.

И не трону зябнувшими пальцами
плоский диск – чужих интрижек цирк.
Позабуду эту комбинацию
из семи когда-то милых цифр.

Не займу я больше вашу линию.
Трубки шнур кривляется, паяц.
Тот рычаг холодной гильотиною
голос мой навек отсек от вас.

Но, листнув альбомом блеклым прошлое,
вспомните на свой особый лад:
чёрствый хлеб с ладоней сытой площади
голуби клевали невпопад.

* * *

Легенда ленивого лета,
где всё и свежо, и не ново.
И зданье щербатую лепкой,
с фасадом дворцово-дворовым.

А двор, не боясь ограблений,
дорожкам даёт золотиться.
И вяжет ажурные тени
на тоненьких ивовых спицах.

Здесь трещин извивистых группа
видна – иероглиф разрухи.
И в залежах белого пуха,
как в тапочках войлочных, звуки.

Безлюдье. Полдневная бездна.
Но слышно – со сдавленным кашлем
из тёмных скрипучих подъездов
выходят на свет барабашки.

* * *

Пыльные стены. Молчанье с утра.
Ковки холодное сито.
Лучик ныряет в колодец двора,
рискуя разбиться о плиты.

* * *

Открою тайну: мы давно мертвы.
Не исчезает жизнь, а просто снится.
Замазав краской стыки словно швы,
стеклят нам снова тёмные глазницы.

Короткий дождь сближается с плечом –
картуза туч рассыпанный горошек.
Кирпич, покрытый сумрачным плющом,
умеет притвориться нашей кожей.

И не понять: реальность ли, мираж.
На синих стенах тени как шпиргалки.
Стремятся двое на шестой этаж,
как в нас с тобой, играя в догонялки.

Звучит аккорд, расшатанный слегка.
Игра под ветра бойкое сопенье,
когда перемещается рука
по клавишам, как будто по ступеням.

Что помню я? Мы вышли на балкон...

БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА

Из тумана возник
день – белеющий лист.
Для меня – это миг,
для тебя – это жизнь.

Пусть уйдёт втихаря
он без огненных строк –

это эра твоя,
озорной мотылёк.

Магистраль-абордаж,
придорожная дрожь.
В рыжей клумбы мираж
безрассудно нырнёшь.

Двор – у неба по дну
с пирамидами крыш.
И в окна западню
на закате влетишь,

что ль свечей на столе
зачарованный враз,
в передночь, в предмгле
не заметишь подчас

тени странных двоих,
губ горчащий каприз.
Для тебя – это миг,
для меня – это жизнь.